

Дмитрий ИЛОВАЙСКИЙ

НЕВЗДОМНАЯ
РУСЬ

ИЯЧЯЛО РУСИ

Неведомая Русь

Дмитрий Иловайский

Начало Руси

«ВЕЧЕ»

2015

Иловайский Д. И.

Начало Руси / Д. И. Иловайский — «ВЕЧЕ», 2015 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-7950-6

Вниманию читателей предлагается первая часть классического труда известного русского историка и публициста, автора учебников по всеобщей и русской истории – Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1920). В своей книге, вышедшей в 1882 г. под названием «Разыскание о начале Руси. Вместо введения в русскую историю», Иловайский выступает решительным противником норманнской теории, ставит под сомнение достоверность русских летописей, доказывает, что в них отражены интересы и настроения киевских князей. Историк был смел и бескомпромиссен в решении сложнейших вопросов истории и политики. К сожалению, в советское время многие труды Иловайского были забыты. В публикуемой первой части книги историка во всей полноте рассматривается так называемый норманнский вопрос и происхождение болгар.

ISBN 978-5-4444-7950-6

© Иловайский Д. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

О мнимом призвании варягов[1]	6
I. Норманисты и их противники. Невероятность призвания	7
II. Договоры с греками. Известия византийцев	12
III. Личные имена. Известия арабов	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Иванович Иловайский

Начало Руси

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

О мнимом призвании варягов¹

Вот вопрос, о котором так много было писано и говорено, что, казалось, он вполне исчерпан и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тем не менее этот старый вопрос все-таки остается новым. Напрасно Скандинавская школа считает его вполне решенным. Чтобы помириться с ее решением, надобно постоянно заглушать в себе сомнения и противоречия, возникающие при всяком сколько-нибудь внимательном отношении к делу. Не вдруг, не под влиянием какого-либо увлечения мы пришли к отрицанию ее системы. Только убедившись в ее полной несостоятельности, решаемся предложить некоторые результаты из своего знакомства с литературой этого вопроса, а также из собственных наблюдений и размышлений. Выступая против Скандинавской школы, как господствующей до сих пор в нашей историографии, мы принуждены иногда прибегать к приемам полемическим. Но в настоящем отрывке ограничиваемся собственно борьбой с тем или другим мнением, а не с лицами, то есть не с тою или другою книгой. Представители норманнской школы оказали столько заслуг науке русской истории, что, и помимо вопроса о призвании варягов, они сохраняют свои права на глубокое уважение. Точно так же отрицать некоторые сказания из начальных страниц русских летописей еще не значит отрицать значение самих летописей: без них что было бы с нашей историей? В самом данном вопросе норманнская школа чрезвычайно много способствовала его разъяснению, хотя бы и в отрицательном смысле. Не она придумала сказание о призвании варягов; она взяла его уже готовым и употребила все научные средства для того, чтобы возвести это сказание в исторический факт. Если и после того остаются непримиримые противоречия, исходящие от фактов несомненных, стало быть, призвание варягов никоим образом не может получить догматического характера и надобно обратиться в другую сторону, чтобы выяснить начало Русского государства и русской национальности.

¹ При подготовке книги Д.И. Иловайского издательство посчитало возможным сохранить стилистику, орфографию и оформление основного текста и примечаний первого издания.

I. Норманисты и их противники. Невероятность призвания

Приведем столь известные слова русской Начальной летописи под 862 годом:

«Реша сами к себе: “поищем собе князя иже бы володел нами и судил по праву”. Идоша за море к варягам к руси; сице бо ся зваху ты варязи русь, яко се друзии зовутся Свое, друзие же урмане, англяне, друзие гьте, тако и си. Реша руси чюдь, словени и кривичи: “вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да пойдете княжить и володети нами”. И избрашася три браться с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший Рюрик седе в Новеграде; а другой Синеус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор. От тех прозвася Русская земля Новугородци: ты суть людье Ноугородцы от рода Варяжска, прежде бо беша Словени».

В целой исторической литературе, наверное, ни одной легенде не посчастливилось, как той, которую мы сейчас выписали. В течение нескольких столетий ей верили и повторяли ее на тысячу ладов. Целый ряд почтенных тружеников науки потратил много учености и таланта на то, чтобы объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на исторических основаниях; напомним уважаемые имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стритгера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись им некоторые противники и с большим или меньшим остроумием возражали на их положения; каковы: Ломоносов, Татищев, Эверс, Нейман, Венелин, Каченовский, Морошкин, Савельев, Надеждин, Максимович и др. В области русской историографии поле оставалось доселе за системой скандинавов; назовем труды Карамзина, Полевого, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говорим о трудах более дробных, трактующих о норманнском периоде и о скандинавском влиянии на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, там скандинавская система царит без всякой оппозиции; так что если речь заходит о Русском государстве, о начале русской национальности, то они неизбежно связываются с призванием варягов.

Уже одно то обстоятельство, что в нашей среде никогда не прекращались сомнения в истине скандинавской теории и возражения против нее, указывает на ее недостаточную убедительность, на присутствие в ней натяжек и противоречий, на ее искусственное построение. И действительно, чем глубже вникаешь в этот вопрос, тем более и более выступают наружу натяжки и противоречия норманнской системы. Если она удерживала до сих пор господствующее положение, то главным образом благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своих защитников; между тем как противники наносили ей удары враспынную, поражали некоторые отдельные доказательства; но мало трогали самую существенную ее основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призвании князей. Противники норманистов, по большей части, верили в призвание или вообще в пришествие князей, сводили вопрос к тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менее вероятные, чем скандинавская.

В последние годы варяжский вопрос снова оживился в нашей литературе, то есть снова поднялись голоса против норманистов. Наиболее значительный труд в этом отношении принадлежит Геденову: «Отрывки из исследований о Варяжском вопросе». Эти отрывки представляют собой прекрасный свод возражений на доказательства норманистов, возражений, отчасти уже высказанных прежде, отчасти добытых собственными изысканиями г-на Геденова. Из этих «отрывков» мы пока не можем вполне судить о его конечных выводах. Мы видим, что он считает русь славянским племенем и пытается, подобно Эверсу, дать видное место в нашей истории угро-хазарскому влиянию. В то же время г-н Геденов примыкает к тем ученым, которые указывали на Славяно-Балтийское поморье; следовательно, он не отрицает так называемого призвания или пришествия варяжских князей². Еще несколько прежде Геденова

² Насколько сильна отрицательная (то есть антискандинавская) сторона исследований г-на Геденова, можно заключить из

выступил г-н Костомаров с теорией о литовском происхождении руси; но его соображения, исполненные, впрочем, большого остроумия, не нашли последователей. Далее, многие дельные возражения против норманистов находим в трудах, которые касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанского («*О славянах в Испании, Азии и Африке*»), архимандрита Порфирия Успенского («*Четыре беседы Фотия*»), Котляревского («*О погребальных обычаях у славян*») и Хвольсона («*Известия о хазарах, буртасах и пр. Ибн-Даста*»).

Обратимся теперь к самому вопросу о варягах и руси. Повторим вкратце главные основания, на которых держалась Скандинавская система:

1. Известие русской летописи (то есть вышеприведенное место).
2. Путь «из варяг в греки», описанный в той же летописи, и связанные с ним имена Днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным.
3. Имена князей и дружины, в особенности по договорам Олега и Игоря.
4. Известия византийских писателей о варягах и руси.
5. Финское название шведов руотсы и название шведской Упландии Рослагеном.
6. Известие Бертинских летописей о трех русских послах и известие Лиутпранда о руссах-норманнах.
7. Известия арабских писателей.
8. Скандинавские саги.
9. Позднейшие связи русских князей со скандинавами.

Первым и самым главным основанием теории норманистов служит известие русской летописи о призвании князей из-за моря. Мы сказали выше, что противники их почти не трогали этого основания. Большею частью они точно так же, как и скандинавоманы, принимали призвание или вообще пришествие князей за исходный пункт русской истории и расходились только в решении вопроса: откуда они пришли и к какому народу принадлежали? Так, Татищев и Болтин выводили их из Финляндии, Ломоносов – из славянской Пруссии, Эверс – из Хазарии, Гольман – из Фрисландии, Фатер – из черноморских готтов, Венелин, Морошкин, Савельев, Максимович (и в последнее время Гедеонов) – от балтийских полабских славян, Костомаров – из Литвы. (Есть еще мнение, примыкающее к Эверсу, о происхождении русских князей от угро-хазар; см. Юргевича «О мнимых норманнских именах в русской истории». *Зап. Одес. Об. Т. VI.*) Мы не видим, чтобы кто-либо между исследователями, занимавшимися варяжским вопросом, обратил исключительное внимание на фактическую достоверность самого известия о призвании варягов и вообще об иноземном происхождении княжеских династий. Напротив, почти все исследователи идут от упомянутой летописной легенды и только различным образом толкуют ее текст; например: что она разумеет под варягами-русью? На какое море она указывает? В каком смысле понимать слова: «Пояша по себе *всю русь*» и т. п.? Спорили иногда о правописании, о расстановке знаков в летописном тексте, чтобы заставить его говорить в пользу своего мнения. А между тем весь этот текст, по нашему крайнему разумению, нисколько не в состоянии выдержать исторической критики, не затемненной предвзятыми идеями и толкованиями. Чем ближе мы держимся его буквального смысла, тем более и более путаемся в нескончаемых противоречиях, когда начинаем сопоставлять его с другими несомненно историческими фактами. И наоборот, только убедившись, что мы имеем дело с легендой, а не с историческим фактом, получаем возможность стать на более прочную основу³.

того, что главные представители скандинавской школы (гг. Погодин и Куник) отдали ему полную справедливость и отступились от некоторых своих доказательств. Но положительная сторона (именно Хазарский каганат в Киеве и пришествие князей с Балтийского поморья), конечно, не найдет себе подтверждения.

³ Только скептическая школа Каченовского заподозрила несостоятельность всего этого сказания, но говорила о том мимоходом, без связи с другими данными, не развивая ничего до конечных выводов и подчас просто увлекаясь своими отрицаниями. Тем не менее школа эта далеко не заслуживает того сурового приговора, который над ней произносили. Некоторые мысли, высказанные ею о русской летописи, нашли себе оправдание в позднейших исследованиях.

Начнем с того: есть ли малейшая вероятность, чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом и призвали для господства над собою целый другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немыслимы. А что в данном случае идет речь не о князьях только и их дружине, но о целом народе, в этом едва ли может быть какое сомнение. Сама русская летопись представляет тому убедительные доказательства. По ее словам, в 862 году Рюрик с братьями призван в Новгородскую землю. В том же году Аскольд и Дир уходят от него на юг и захватывают Киев, а через год или через два они уже нападают на Константинополь в количестве 200 лодок, на которых помещались приблизительно до 10 000 войска, состоящего из руси. (Да и это количество еще слишком незначительно в сравнении с таким предприятием, как нападение на Константинополь.) А между тем Аскольд и Дир могли отвлечь только часть руси от Рюрика, у которого оставалась главная ее масса. Напомним, что, судя по летописи, он господствует от Чудского озера и Западной Двины до низовьев Оки и занимает своими дружинами главные пункты в этих землях (Новгород, Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром и, конечно, некоторые другие). Далее, что сказать о непосредственно следующих затем обширных завоеваниях и походах Олега, предпринятых со многими десятками тысяч? Судя по летописи, он совокупил войска из всех подвластных ему народов. Но ведь это были народы большей частью только что покоренные; следовательно, чтобы держать их в покорности и двигать с собою их вспомогательные войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притом такое движение возможно только на суше, а не на море. Поход Олега на Царьград, предпринятый в столь широких размерах и исполненный с такою удачей, если бы был достоверен, указывал бы на опытных и бесстрашных моряков, следовательно, опять на массу более или менее однородную. Едва ли в этом морском ополчении можно допустить присутствие приведенных в летописи элементов, вроде мери, радимичей и т. п. народов, живших внутри России и совсем незнакомых с морем. Если даже оставить в стороне поход Олега, о котором византийцы не упоминают, то остается еще поход Игоря; о нем византийские историки говорят так же положительно, как и о нападении Аскольда (не называя, впрочем, последнего по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византийских известий о походе Игоря, мы можем, однако, догадываться, что это не был простой набег только из-за добычи, как обыкновенно у нас его изображают; нет, это была целая и довольно продолжительная война. Руссы высадились в Малой Азии и воевали там несколько месяцев (а в Малой Азии было тогда многочисленное славянское население, не всегда покорное Византии); между тем флот их опустошал берега Боспора. Византийская империя только с большим напряжением своих сил заставила наконец руссов удалиться. (Нельзя не отдать некоторой справедливости мнению Венелина, который связывает эти предприятия с событиями в Болгарии и с отношениями Болгарии к Византии. Походы Святослава вполне подтверждают это мнение.)

А походы руссов на Каспийское море в 913 и 944 годах, упоминаемые арабами и предпринятые также десятками тысяч воинов? Обратите внимание на те места договоров Олега и Игоря, где говорится о светлых русских князьях, состоявших под рукою киевского князя; в договоре Игоря приводятся и многие имена этих (удельных) князей; каждый из них имел, конечно, свою дружину. Обратите внимание также на главные статьи этих договоров. Разве они не указывают на существование уже значительных и деятельных торговых сношений, и не одних торговых, но и посольских? Договоры ведутся исключительно от имени руси как народа сильного, давно оседлого на своих местах и довольно ясно определявшего свои отношения к соседям. Эта русь выделяет из себя значительное количество торговых людей, которые принимают далекие плавания и подолгу проживают в чужих странах. (О больших русских караванах, ходивших ежегодно в Черное море, говорит и Константин Багрянородный.) Эти русские купцы-воины, торговавшие в Константинополе, были настолько многочисленны, что, ввиду безопасности, ставится условием, чтобы они не входили в город зараз более 50 человек и при-

том без оружия. В тех же договорах говорится не об одних торговцах и послых, но упоминаются и руссы, состоявшие наемниками в войсках византийских императоров (о русских наемных отрядах говорят и византийские историки). Параллельно с этими договорами мы можем поставить относящиеся к той же эпохе арабские известия о русских торговых караванах на Волге, то есть в Хазарии; в городе Итиле, столице хазарской, встречаем целую колонию русских купцов; у хазарского царя также есть наемное войско из руссов.

Все доказывает, что русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдельною дружиной или каким-то родом, который пришел со своими князьями, призванными в Новгородскую землю для водворения порядка. Нет, это был целый сильный народ, отличавшийся предприимчивым, суровым и властолюбивым характером. На его свирепость сильно жалуются византийские известия. Не одним соседям доставалось от этого народа; господство его не было легким и для подчиненных племен; из их среды он, конечно, брал то огромное количество рабов, которых отсылал на продажу в соседние страны. Припомним слова, вложенные в уста Святослава, о том, что из руси идут в Грецию шкуры, воск, мед и *челядь*. По известиям Константина Багрянородного и Ибн Фадлана, у русских купцов главным товаром являются невольники и невольницы. Звериными шкурами и медом платили дань руси подчиненные ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующего народа и не были равнодушны к своему положению, показывает смерть Игоря и последующая затем истребительная война с древлянами. Человеческие жертвы, приносимые киевскому Перуну, также не свидетельствуют в пользу тихих, кротких нравов, которыми наш летописец наделяет племя полян (иначе называвшееся русью). По летописи выходит, что как северные славяне добровольно призвали к себе господ, так и южные племена большею частью покорились им легко. «Кому дань даете?» – спрашивает русский князь. «Хазарам!» – отвечают северяне или радимичи. «Не давайте хазарам, а мне давайте». И племена будто бы покорно повиновались.

Некоторые писатели, поддерживающие скандинавское происхождение руси, не настаивают, собственно, на добровольном призвании, а склоняются к тому, чтобы предположить завоевание или какую другую комбинацию. Но вопрос все-таки сводится к тому же выводу. Так как из самой же летописи вытекает, что это был сильный народ, в короткое время покоривший столько племен и основавший огромное государство; следовательно, он должен был совершить свое движение из Скандинавии в значительных массах и произвести нашествие вроде, например, остготов или лангобардов, покоривших Италию. Но могло ли подобное движение остаться незамеченным современниками и не найти никакого отголоска ни в скандинавских, ни в немецких, ни в византийских источниках? Следовательно, такого движения не было. Да оно и не могло быть в подобных размерах. Ближайшая к России скандинавская страна, Швеция, была в те времена сама еще очень бедно населена; германский элемент ее был еще очень малочислен. Наиболее сильный норманнский народ, датчане, около того времени только что заявили о себе морскими набегами; но их стремление было обращено на берега Западной Европы, главные усилия их, как известно, обратились на Англию. О норвежцах можно сказать то же, что о шведах и датчанах вместе, то есть они были так же малочисленны, как шведы, и так же стремились на запад, как датчане. Мы видим, как создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападениями норманнов, как постепенно подготовилось окончательное завоевание Англии и при каких обстоятельствах положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о том, что всем трем упомянутым событиям уже предшествовало быстрое завоевание теми же народами всего пространства от Финского залива до Черного моря, пространства, населенного отнюдь не робкими, бессильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнение, пущенное в ход хотя и знаменитым писателем (Шафариком), но тем не менее ошибочное, мнение о какой-то миролюбивой, пассивной натуре славян, одаренной разными благими качествами, за исключением главных, каковы любовь к независимости и способность организации.

Скандинавским народам было не под силу в IX веке основание такого огромного государства, каково Русское. На востоке им было достаточно дела и с балтийскими славянами.

II. Договоры с греками. Известия византийцев

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтверждения своей системы, и некоторые из них горячо отстаивали подлинность договоров. Действительно, нет никаких серьезных поводов сомневаться в их подлинности; это почти единственные документальные источники, занесенные на первые страницы нашей летописи. Потому-то их содержание во многом и противоречит тем легендарным рассказам, которыми они обставлены. При внимательном рассмотрении они могут служить одним из важнейших доказательств не истинности, а, напротив, ложности скандинавизма. Если Олег был норманн, пришедший в Россию с Рюриком, и дружина его состояла из норманнов, то как же, по свидетельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуном и Волосом, а не скандинавским Одином и Тором? Та же клятва повторяется в договорах Игоря и Святослава. Мы видели, что русь по всем несомненным признакам была сильный многочисленный народ и народ господствующий. Если бы это был народ, пришедший из Скандинавии, то как мог он так быстро изменить своей религии и кто его мог к тому принудить? Даже если принять положение, что это был не народ (что совершенно невероятно), а скандинавская династия с своею дружиной, которая составила только высшее сословие, так называемую аристократию в стране славян, и тогда нет никакой вероятности, чтобы господствующий класс так скоро отказался от своей религии в пользу религии подчиненных. Удивительно, как эта несообразность не бросилась в глаза норманистам. Впрочем, и их противники слишком мало обратили внимания на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убеждают нас в том, что русь существовала на Днепре и на Черном море задолго до второй половины IX века, то есть до эпохи так называемого призвания князей. Мы уже говорили, что эти договоры указывают на довольно развитые и, следовательно, давние торговые сношения. Подобные сношения, и притом сопровождаемые формальными договорами, не могли завязаться вдруг, без целого ряда соответствующих обстоятельств. И действительно, те же договоры заключают в себе прямые намеки на то, что они были повторением прежних, таких же мирных трактатов. Например, выражения «на удержание и на извещение от многих лет межю християны и русью бывшую любовь» или «любовь бывшую межю християны и русью» и т. п. (см. договор Олегов). В этом отношении они имеют непосредственную внутреннюю связь с известными двумя речами византийского митрополита Фотия, произнесенными по поводу нападения руси на Константинополь в 865 году. Вот что говорится во второй беседе: «Эти варвары справедливо разсвирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию». И ниже: «Их привел к нам гнев их; но, как мы видели, Божия милость отвратила их набег» (см.: «*Четыре беседы Фотия*» архим. Порфир. Успенского). Отсюда ясно, что первое нашествие руссов на Константинополь также не было простым разбойничьим набегом: по всей вероятности, ему предшествовало убиение русских торговцев в Греции и отказ греков в удовлетворении. Произошло событие, подобное тому, которое мы встречаем гораздо позднее, при Ярославе I, когда за убийство русских купцов в Византии он послал флот с сыном своим Владимиром. Арабский писатель Хордадбех говорит, что византийский император и царь Хазарии взимали десятину с русских купцов. Это свидетельство подтверждает существование давних торговых сношений руси с припонтийскими и прикаспийскими странами; так как Хордадбех писал в эпоху Рюрика и Аскольда. А по скандинавской системе русь в это время только появляется в России; когда же она успела организовать свои торговые сношения с греками и хазарами, неужели еще в то время, когда жила в Скандинавии?

Упомянутые две беседы Фотия, современные так называемому призванию к нам варягов, представляют и еще кое-какие черты для уяснения вопроса о руссах. Хотя он тут иногда попадает в некоторые противоречия с самим собою, но эти противоречия легко объясняются

риторическими оборотами и не мешают понимать их настоящий смысл. То он выражается о руссах высокопарно, иногда словами Библии. Например: «Народ сей двинулся с севера с тем, чтобы дойти до второго Иерусалима, и люд сей устремился с конца земли, неся с собой стрелы и копья. Он грозен и не милует. Голос его как шум моря» и т. д. или: «Я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий предместья его». То он отзывается о них с презрением и старается умалить их значение: «О град, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою! – необученное и набранное из рабов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу?.. Слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость руки своей и хочет нажить себе славное имя». И в другом месте: «Те, которых усмирляла самая молва о ромеях, те подняли оружие против державы их». И далее:

«Народ, ничем не заявивший себя, народ непочетный, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши» и пр. Подобные риторические черты находились в связи с различными оборотами речи. Когда оратор рисует вообще яркую картину нашествия «тучи варваров», то изображает их грозными и неодолимыми; когда же он мечет громы против грехов, в которых погрязло столичное население, то для большего оттенка изображает ничтожество неприятелей, которые посланы как кара небесная на изнеженных и праздных жителей. «Чем неименитее и незначительнее народ, который до нападения на нас ничем не дал себя знать, тем больший стыд нам приписывается», – поясняет сам Фотий.

Истина, конечно, заключается в середине. Нахлынувшие варвары не были врагами неодолимыми; но в то же время они были настолько сильны, что отважились напасть на такой огромный и хорошо защищенный город, каким был Константинополь. «Поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькия страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря». Замечательно при этом то обстоятельство, что нападение столь быстро и ловко сделанное произошло в то время, когда император Михаил III находился с главными силами в походе против сарацин – обстоятельство, вероятно, не безызвестное руссам. Быстрота похода доказывает только, что Черное море и его берега были им хорошо знакомы. Следовательно, выражения «народ кочевой», «без военного искусства», «войско набранное из рабов» и т. д. – это отчасти риторика, а отчасти и греческая точка зрения на подвижных, предприимчивых руссов, на их изобилие рабами (челядь) и их ополчение, не похожее на стройные (сравнительно) греческие легионы. Эти беседы Фотия ровно ничего не дают в пользу норманнской теории, и, однако, норманисты находят возможным на них ссылаться. Например, будто вышеприведенные фразы об отдаленности Руси, о странах и морях, отделяющих ее от Византии и т. п., – это намекает на Скандинавию. Но, во-первых, не забудем риторический характер бесед; а во-вторых, для обитателя Константинополя в те времена не только Киев (не говорю о Новгороде), но и северные побережья Черного моря должны были представляться местами, лежащими где-то далеко на севере, чуть не на краю света. Вспомним, какое продолжительное и трудное плавание совершали русские суда, направлявшиеся в Константинополь; они огибали вдоль берегов с их заливами, устьями рек, мысами и т. д.; следовательно, они действительно должны были касаться различных стран и разных народов, находившихся между Днепром и Константинополем. Что византийцы называли иногда гиперборейскими, то есть северными, народы, обитавшие в Южной России, тому можно найти и другие примеры. (Так названы у Льва Диакона хазары.)

Беседы Фотия дают понять, что русь не была для греков каким-то неизвестным дотоле народом, что столкновения с нею были и прежде. В то же время из них ясно вытекает, что

это было первое грозное нашествие руси, нападение на самый Константинополь – нападение, заставившее греков обратить на русь более внимания, чем прежде. Фотий уясняет нам, почему с этого события начинаются более прямые известия у византийских историков о руси под ее собственным именем, а не под именем скифов, сарматов и т. п. Отсюда мы выводим непосредственное отношение к нашей летописи. Руководствуясь своими образцами, то есть византийскими хронографами, она начинает историю руси тем же самым событием, то есть первым нашествием их на Константинополь. Но так как это событие нисколько не объясняет начала Русского государства, то ему и предпосылается легенда о призвании князей. Фотий, современник этого мнимого призвания, не делает о нем ни малейшего намека, а между тем, характеризуя неприятельский народ, по всей вероятности, он упомянул бы и о его предводителях. Но известие о призвании является в русской летописи такую же легендою, как и рассказ о погружении ризы от иконы Влахернской Богородицы и восставшей после того бури, которая разметала суда руссов. Этот рассказ является у некоторых позднейших византийцев и от них буквально перешел в нашу летопись. Беседы Фотия восстанавливают для нас событие в настоящем виде; причем буря действительно играет роль, но только наоборот, в начале события, а не в конце. Он говорит, что варвары приблизились в бурную, мрачную ночь, но что море потом утихло, и они спокойно обступили город; а удалились они в то время, когда риза Богородицы торжественно носилась вокруг стен (вероятно, слышав о приближении императорского флота и войска).

Патриарх Фотий кроме своих бесед оставил нам и еще свидетельство о руссах, именно в своем окружном послании 866 года, где он говорит об обращении в христианство болгар и руссов. Здесь несколько менее риторики, чем в беседах, и более прямых, ясных указаний. Приведем его слова: «Не только оный народ (болгары) переменял древнее нечестие на веру во Христа, но и народ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью, – я говорю о руссах, – которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. Теперь они сами переменяли нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру, и ведут себя (в отношении нас) почтительно и дружески, так как незадолго перед тем беспокоили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние». Из приведенных слов вытекает, что Фотий достаточно знал руссов, что в то время они уже господствовали над соседними народами и сочли себя настолько сильными, чтобы напасть на самый Константинополь, чем заставили много говорить о себе. И ни слова об их князьях, пришедших из Скандинавии! Все это, разумеется, нисколько не согласуется с нашими летописными Аскольдом и Диром; там это странствующие рыцари, которые только что завладели Киевом и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Аскольдова русь (то есть пришедшая дружина в несколько сот человек) успела покорить соседние народы между прибытием в Киев и походом на Византию? (Приняв хронологию норманистов, это выходит приблизительно в год.) И если они уже покорили соседние народы, то что же осталось бы на долю Олега? Все эти несообразности заметил Шлецер и выпутался из них очень просто: руссы, нападавшие на Константинополь, по его мнению, *не настоящие* руссы, а какой-то неизвестный варварский народ, и византийцы тут явно напутали. Но другие норманисты не решились отвергать современное свидетельство Фотия. Мало того, слова Фотия являются у них подкреплением их же системы. В беседах он выражается, что варвары пришли с далекого Севера: ясно что это Скандинавия, что же может быть севернее Скандинавии? В послании он говорит, что руссы поработили *окрестные* народы, опять ясно, что тут дело идет о норманнах; известно, что они в те времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германию, Англию, Францию, Испанию и т. д. (это все окрестные народы!).

От патриарха Фотия, современника мнимого прибытия руси из Скандинавии, перейдем к Константину Багрянородному, современнику Игоря⁴. Он был свидетелем Игорева нападения на Византию, заключал с ним договор, принимал у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описывает этот прием (в сочинении «*О обрядах Византийского двора*») и не пользуется случаем сказать что-нибудь о варяжских князьях, основателях Русского государства. Рюрик, по нашей летописи, приходился свекром Ольге, и если не она, то кто-либо из ее свиты мог сообщить любознательному императору подробности о Рюрике и Олеге. Да и без них Константин всегда имел возможность получить подобные сведения от русских послов и купцов в Константинополе. Если принять за истину то, что летопись рассказывает (а норманисты подтверждают) о походах Олега, тогдашний мир должен был наполниться его славой, и тем не менее Константин сохраняет о нем упорное молчание. В другом своем сочинении («*Об управлении империей*») он сообщает многие сведения о соседних и даже отдаленных народах (ломбардах, арабах, печенегах, сербах, хазарах, уграх и пр.). Тут между прочим он говорит о руссах; уже одно столь известное описание их плавания по Днепровским порогам показывает, что он интересовался ими и знал их довольно хорошо, и опять никакого намека на переселение руссов в Россию или на завоевание ее какими-либо иноземными князьями. Константин, например, рассказывает о начале династии Арпада у венгров и об их отношении к хазарам; а между тем Арпад приходится, по-видимому, современником Рюрика. В третьем своем сочинении, «*Жизнеописании*» своего деда Василия Македонянина, Константин говорит о первом крещении руси и опять не делает ни малейшего намека на ее норманнство. Из всех известий Константина ясно вытекает, что он считает русь народом туземным, а не пришлым; притом он весьма просто и естественно передает нам даннические отношения разных славянских племен к господствующему народу русь. Следовательно, если бы на Руси около той эпохи случились такие перевороты, о которых рассказывают легенды, занесенные в нашу Начальную летопись, то есть ли какая вероятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константин Багрянородный ничего о них не знал, а зная – умолчал?

Известия о руссах у Фотия, Никиты и Константина Багрянородного находятся в полном согласии между собою и ни в чем друг другу не противоречат. То же самое можно сказать об одном из ближайших после Константина историков, о Льве Диаконе: описывая войну Святослава с греками и сообщая многие подробности о россах, он не делает никакого намека на то, что считает русь пришлым народом в России. Святослав был внуком Рюрика, и память о пришествии руссов из Скандинавии или из другой какой страны могла еще живо сохраняться; сам Святослав, по мнению норманистов, был тип норманна, а дружина его состояла преимущественно из норманнов. Между тем Лев Диакон приурочивает тавроскифов (руссов) преимущественно к берегам Черного и Азовского морей.

Если мы обратимся вообще к византийским известиям о варягах и руссах, то рассмотрение их и сличение между собою приводит нас к следующим положениям. Во-первых, византийские источники не смешивают русь с варягами, а говорят о них отдельно. Во-вторых, о руси они упоминают гораздо прежде, нежели о варягах. В-третьих, что касается до наемных иноземцев на византийской службе, то варяги составляли отряды сухопутные, а руссы преимущественно служили во флоте. Норманисты нашли, что название варягов (варанги) слишком запаздывает в византийских источниках: так как прямо и положительно под этим именем последние выступают только в XI веке. А так как в X веке (у Константина Багрянородного) встречаются фарганы, то норманисты отождествили их с варягами; но после доказательств г-на Гедеонова отступились от фарганов. С другой стороны, у одного византийского писателя (Феофана) под

⁴ Кроме Фотия, имеем и другое современное свидетельство о первом появлении руси под Царьградом. Никита Пафлагонянин в своем жизнеописании патриарха Игнатия упоминает о свирепствах *скифского народа рось* в окрестностях Царьграда, также без всякого намека на скандинавское происхождение.

774 годом говорится, что император Константин Копроним, «отправляясь против русских судов, двинулся в реку Дуна». Норманисты в этом случае переводят: «вступив в *красные* хеландии». Антинорманисты (между прочим, Эверс) настаивали на *русских* хеландиях. (Но после убедительных доказательств г-на Куника мы оставляем в стороне эти спорные хеландии.) Норманисты много и убедительно доказывали, что варанги византийские были норманны и означали то же, что у нас варяги. С чем мы совершенно согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на дальний остров, находящийся на океане, который они называют Туле, или причисляют их к англичанам. Под островом Туле у византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что же из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества варангов с русью, и не только нет никакого тождества, напротив, византийцы ясно различают русь и варягов. Русь для них народ северный или даже надсеверный (гиперборейский); но нигде они не выводят его с крайнего острова, лежащего на Океане, как выражаются иногда о варангах. Правда, византийцы не смешивают русь с варангами, но как-то у них мимоходом замечено, что «Русь, так называемые Дромиты (обитатели Дромоса), от рода франков». (Продолжатели Феофана и Амартола.) Этого весьма неопределенного выражения достаточно было норманистам, чтобы подкрепить свое мнение о родстве руси и варангов или, собственно, об их общем германском происхождении. Но здесь слово «франки» должно быть понимаемо в весьма обширном смысле, в смысле народов северно- и западноевропейских: примеры тому нередки у византийских писателей (как справедливо показал еще Эверс), от которых странно было бы требовать точных этнографических терминов. Притом самих варягов они нигде не называют франками. Обыкновенно византийцы причисляют русь к «скифским» народам; но и этим названием не выражается какой-либо определенный этнографический тип. Для нас, повторяю, важно то обстоятельство, что византийцы, близко, воочию видевшие пред собою в одно и то же время и варангов, и русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят об их племенном родстве. Норманнскую школу не смущает подобное обстоятельство. Для нее довольно и того, что их смешивает наша басня о призвании варягов-руси. А между тем в этом-то весь корень вопроса. Мало ли что может смешиваться в темном народном предании, в сказке, в песне, в собственном домысле книгописца и т. п.? Но может ли наука опираться на подобные основания? Варяги-норманны несомненно были в России; но они были здесь почти тем же, чем и в Византии, то есть наемного дружиной. Я говорю *почти*, потому что у нас размеры несколько другие: у нас они были вначале и многочисленнее, чем там, и принимали большее участие в наших событиях.

Известно, как сильно норманисты упирают на Днепровские пороги у Константина Багрянородного, который приводит их названия в двух видах: в русском и славянском. Вот они. Русские: *Ульворси, Геландри, Айфар, Вару-форос, Леанти и Струвун*; славянские: *Островунипраг, Неясыть, Вулнипраг, Веруци, Напрези*. Кроме того, один порог имел общее название, по-русски и по-славянски *Есуни*. Немало эрудиции было потрачено скандинавскою школою, чтобы *русские* (то есть предполагаемые скандинавские) названия объяснить при помощи почти всех северо-германских наречий. Досталось, впрочем, и не одним германским наречиям; тут пошли в дело кельтские и финские (Струбе, Тунман, Лерберг); не обращались разве только к наречиям славянским. Для образца этих объяснений приведем толкования первого русского названия, то есть Ульворси, или Ульборси (Ούλβορσι). Во-первых, говорят норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси и даже не Ульмворси, а Хольмворси; так как в греческой передаче *м* перед (β) могло быть выброшено, а *хо* обратилось в *у*. Затем это слово уже не представляет затруднений. *Хольм* (Holm) в языках английском, шведском, нижнесаксонском и датском означает или остров, или островок. А вторая половина названия *ворси* напоминает нижненемецкие Worth, Wurth, Worde, Wuhrde и англосаксонские Worth, Warth и Warothe,

означающие или возвышение, или берег; можно также производить ее от *fors*, «порог». Прекрасно; но если толковать Ульворси как перевод соответствующего ему у Константина славянского Островунипраг, то мы не думаем, что надобно исключительно обращаться к германским наречиям, когда имеем в славянских то же слово *холм* с различными его вариантами: *хельм*, *хлум*, *шелом* и т. д., а для *борей* или *ворси* и для *форос* (в слове Варуфорос, которое тоже объясняется норманистами при помощи *fors*), *бор* и *вор*, встречающихся в сложных именах (например, Бранибор, Раковор и пр.), имеем тот же *праг* или *порог*. (Имеем еще слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется там же, на Днепре, для обозначения малых порогов.) Таким образом с неменьшею вероятностью можно предложить для Ульборси, вместо *Holmfors* или *Holmvorth*, держась ближе к тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, где первая половина слова будет та же, что в названии Вулнипраг (или в позднейшем Вулнег). Может быть, Ульборси совсем и не означает то же самое, что Островунипраг; а, вернее, соответствует именно славянскому Вулнипраг?

Не беру на себя задачи немедленно объяснить так называемые русские имена порогов у Константина; предполагают и значительную порчу этих имен в его передаче, и вообще его недоразумение при их параллели с именами славянскими. Может быть, со временем, когда на объяснение их при помощи славянских наречий употреблено будет хотя вполовину столько же труда и усилий, сколько было потрачено на объяснение из германских, вопрос этот ближе подвинется к своему решению. Ограничусь несколькими замечаниями. Что Константин, по большей части, передал имена в искаженном виде, для этого достаточно бросить взгляд на так называемые славянские названия. Что такое, например, *Веруци* (Βερούτζη)? Не поясни он, что это славянское слово и что оно означает варение и кипение воды (Βράζομα νερού), мы, пожалуй, не вдруг догадались бы о том, и норманисты, по всей вероятности, обратились бы к германским наречиям для отыскания корня. Или возьмем общее русско-славянское название одного порога *Есуни* (Еσοунтѣ). Не прибавь Константин, что это значит *не спи* или *не спать* (μη κοιμασθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого смысла. Замечательно, что норманисты и это название не уступают исключительно славянскому языку; они доискались, что на германских наречиях *ne suefe* будет значить тоже «не спи» (и даже сильнее, так как тут приходится два отрицания, одно в начале, другое в конце, то есть: «Нет! Не спи!»). Далее, что такое славянское название *Напрези*? Опять не скажи Константин, что это значит малый порог, то есть порожек, никак бы не догадаться. Да и после его объяснения слово остается сомнительным. Его пытались видоизменить в *Набрезе* и *Напрежье*; но все это очень натянуто. А между тем обратим внимание на соответствующее ему русское название *Струвун*. Для разъяснения его будто бы необходимо также обратиться к скандинавским: *strid*, *strond*, *strom* и *bipa*, *bipe* и т. п. Но это якобы неславянское слово разве не тот же *Островун-порог*, приводимый Константином между славянскими названиями? Струвун и Островун представляют такое же отношение, как названия нашего древнего города Вручий и Овруч⁵.

⁵ Варуфорос не означает ли Вар-порог? В таком случае против славянского Веруци следовало бы поставить русское Варуфорос (а не Леанти), как происходящий от того же корня *врети*, *варити*. Геландри, по объяснению Константина, значит «шум порога»; отсюда мы делаем предположение: не скрывается ли тут слово *гуль*? Форма *Гуландарь* или *Гуландра* весьма возможна в русском языке. Нисколько не настаиваем на своих словопроизводствах в этом случае и делаем их только для того, чтобы показать возможность объяснить некоторые непонятные имена из славянских корней. Может быть, кто-нибудь со временем доберется до их смысла. А возможно, и то, что их смысл для нас навсегда потерян вследствие большого искажения. Например, если бы не другие соображения, то филологически невозможно в *Телюца* узнать *Любеч*. Точно так же филологически нельзя доказать, что *Напрези* означает малый порог. Напомним еще ряд собственных имен, доселе не разъясненных: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы и Ольберы («Слово о полку Игореве»). Чтоб отделаться от них, их объявили нерусскими; но вполне ли это верно? Наше предположение о возможности видоизменения тех же слов или о замене их другими (не выходя из пределов того же языка) подтверждается позднейшими названиями Днепровских порогов. Многие ли из них сохранились от времен Константина хоть до XVI века, то есть до «*Книги Большого Чертежа*»? Мы находим в ней, собственно, одно тождественное с прежним название: *Ненасытец* (*Неясыть* IX века). Потом следует Звонец, соответствующий Константинову переводу против слова Геландри: «шум порога». Далее Вулнег, который может напоминать Вулнипраг. Вот и все.

Итак, не может быть сомнения в искажении самых названий у Константина Багрянородного. Можно указать тому и другие примеры. Напомним некоторые его названия славянских городов: Немогард, Милиниск, Телюц и пр., в которых мы узнаем Новгород, Смоленск, Любеч. Подобные искажения, конечно, неизбежны в устах иноземцев, но при этом возьмем еще в расчет, как далеко удалились мы в настоящее время от южнорусского произношения X века! Многие слова, даже и верно записанные в то время греками, могут в настоящее время нам показаться чуждыми или непонятными. Далее, представляется вопрос: верно ли понял Константин то, что ему толковали о Днепровских порогах? Что это за двойной ряд названий: русские и славянские, варианты или переводы? Норманисты усиливаются доказать, что русские названия имеют тот же смысл, как и соответствующие им славянские. Но в таком случае опять вопрос: какие названия оригинальные и какие переводные; кто первый их придумал, славяне или русь? Так как по теории норманистов русь – племя пришлое и неславянское, то оно, нашедши имена Днепровских порогов уже готовыми у славян, не согласилось, однако, употребить их, а перевело их на свой язык. Где же и когда географические имена переводились таким образом? Если и можно найти тому примеры, то немногие и отнюдь не в таком количестве зараз и не в таком систематическом порядке; вновь поселяющийся народ обыкновенно или принимает уже существующие названия, видоизменяя их по своему выговору, или дает свои собственные.

Но что такое самое выражение Константина Багрянородного: *по-русски* и *по-славянски*? Не вправе ли мы заключить отсюда, что он считал русский язык особым, неславянским языком? И не только в этом случае, но и в некоторых других у него русь и славяне как будто два различных народа. И именно он как бы противопоставляет русь тем племенам, которые платили ей дань и которых он называет славянскими. Но в этом-то сопоставлении и заключается разгадка. Дело в том, что сама русь, без сомнения, отличала себя от покоренных племен; как господствующий народ она, вероятно, свысока смотрела на своих славянских данников, что, конечно, не мешало ей самой быть славянским племенем. Необходимо взять при этом в расчет то обстоятельство, что понятие о родстве всех славян между собою и о принадлежности их к одному великому племени есть достояние собственно позднейшего времени и притом только образованного или книжного класса. Не только тогда, но и теперь миллионы людей живут на свете, не подозревая того, что они славяне. Константин Багрянородный мог лучше знать собственно южных славян; а о северных и восточных он писал более по слуху и потому легко впал в заблуждение, отделяя русь от других русских славян. Если мы не примем всего этого в соображение, то впадем в безвыходные противоречия. Возьмем опять того же Константина. Описывая обычный зимний объезд киевскими князьями покоренных племен (полюдь), он говорит, что князья до этого отправляются из Киева «со всею русью». Можно ли понять эти слова буквально, то есть что киевские князья делают объезд в сопровождении всего русского народа? Куда же в таком случае девались те многие светлые русские князья, сидевшие с их дружинами по другим главным городам, князья, о которых говорят нам договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тут надобно разуметь собственно княжескую дружину, да и не одних киевских князей, а вообще русских князей; каждый из них объезжал с дружиной свой удел, чтобы собирать дань и творить суд. Понятно, что дружина-то и называла себя русью по преимуществу. Понятны

Остальные (*Кодак, Сурской, Лоханной, Стрельчей, Княгини, Воронова, Будило, Бальный, Лычна, Таволжаной*) не похожи на имена, приведенные Константином. Только Будило напоминает «Не спи», но напоминает своим смыслом, а не буквой. Он же наводит на мысль о том, как иногда своеобразно могут видоизменяться названия. (Так вместо Гуландри мог явиться Звонец.) Конечно, крупные географические имена сохраняются гораздо тверже, но такие мелкие, как имена длинного ряда порогов, неизбежно должны были варьироваться. Сравним названия порогов XVI века с их настоящими названиями. Большею частью они сохранились, но с другими окончаниями, и притом иногда совсем не на тех местах; есть и названия совсем новые. Упомянем мимоходом о попытке объяснить *все* русские названия порогов у Константина Багрянородного и почти все личные имена той эпохи из языка венгерского (Зап. Одес. Общ. И. и Д. Т. VI). Это показывает, какое обширное поле для догадок представляют означенные названия. Действительно, имена порогов – самое темное место в целом варяжском вопросе. Можно предложить еще следующую догадку: несколько непонятных имен не есть ли это остаток названий из более древней эпохи, то есть из эпохи скифской?

отсюда неточности и в известиях Константина Багрянородного. При всей своей добросовестности он не мог, конечно, избежать их, когда говорил о других народах. Если посмотрим все его известия, то найдем у него многие недоразумения по отношению к тем народам, которых он описывал по слуху, – недоразумения весьма естественные: и в наше время, при настоящих научных средствах, как иногда бывает трудно собрать точные этнографические данные! Не отвлекаясь примерами сомнительных известий о других народах (хазарах, печенегах, уграх и пр.), приведу еще одно место из Константина о руссах. Он говорит, что русские выменивают у печенегов рогатый скот, коней и овец: «Поелику никакое из этих животных не водится в России». Статочное ли дело, чтобы в Киевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вероятно, из того большого количества скота, которое русские получали от степных народов, Константин заключил о неимении его в России; могло быть также, что ему случайно сообщил кто-нибудь неточное известие (например, после сильных падежей скота, столь обычных в России).

Сличая все известия о России того времени, мы выводим заключение, что название «русь» как термин этнографический имело весьма растяжимый характер. В обширном смысле оно обнимает всех восточных славян, подвластных русским князьям, не менее обширном – славян южнорусских, в тесном смысле – это племя полян или собственно киевская русь; наконец, иногда значение этого имени, как мы видим, суживалось до понятия сословного, а не народного – это княжеская дружина, то есть военный класс по преимуществу. Что русь была тождественна со славянским племенем полян, это, по-нашему крайнему разумению, несомненно. Константин Багрянородный, несколько раз упоминая о славянских данниках руси, приводит имена: древлян, угличей, драговитов, кривичей и сербов (северян). Где же поляне, судя по нашей летописи, главнейшее славянское племя? Константин их не знает, потому что русские в сношениях с иноземцами любили называть себя исключительно русью. А между тем дома, в отечестве, имя полян долго еще не забывалось и после того. Замечательны в этом отношении известные слова нашей летописи: «Все это был один славянский язык: славяне по-дунайские, покоренные уграми, и морава, и чехи, и ляхи, и поляне, яже ныне зовомая русь». Эти драгоценные слова никоим образом не согласуются с басней о призвании варягов и, без сомнения, принадлежат не тому лицу, которое смешало русь с варягами. Кстати, приведем еще место из летописи, относящееся к XII веку: «И стояша на месте нарицаемом Ерел, его же русь зовет Угол» в (Ипатьевской, 128, а в Лаврентьевской, 67: «Перешедше Угол реку»). Мы видим тут рядом два названия: Ерел (Орел) и Угол; оба они славянские. Попадись эта фраза под руку Константину Багрянородному, по всей вероятности, он написал бы: по-славянски Ерел, а по-русски Угол; причем не обошлось бы без некоторого искажения в передаче, и (судя по аналогии) нам пришлось бы разыскивать значение Угла (Унгол или Ингул) в северногерманских наречиях; там мы тотчас бы напали на тот же корень в англах или инглах британских или в инглинах скандинавских, и вот новое подтверждение скандинавской теории. (Впрочем, некоторые норманисты все-таки нашли возможным отвести этот Угол к скандинаво-русским названиям!)

Русь в X веке, конечно, не могла не сознавать свое племенное родство с другими примыкавшими к ней славянами; сношения с иноплеменными народами необходимо приводили ее к этому сознанию. Но у нас вопрос идет о названии, которым себя отличал тот или другой народ. Сознанию общего родства всех славянских племен и обобщению слова *славянский язык* более всего помогла славянская письменность, распространившаяся вместе с христианством.

Название *славяне*, кроме обширного смысла, имело, так же как русь, и более тесный смысл: оно означало у нас по преимуществу новгородцев. Об этом не один раз свидетельствует наша летопись. Например: «Поя же множество варяг и словен, и чюди и кривичи». Если бы понять здесь слово *славяне* в смысле славян вообще, то кривичи оказались бы не славяне. Неопределенность и изменчивость этнографических терминов составляет общую черту исторических источников древних и средневековых, начиная с Геродота и Тацита. Одно и то же

имя не только в разные эпохи, но и в одну и ту же эпоху употреблялось часто то в обширном (родовом), то в тесном (видовом) значении. Эта черта произвела, как известно, большую запутанность и породила множество недоразумений, которыми историческая наука страдает до сих пор и от которых она освобождается весьма постепенно.

Итак, Константин Багрянородный различает русь от славян потому, что она сама отличала себя от подчиненных племен и особенно этим названием разнилась от славян северных или новгородских. А последние в свою очередь отличали себя от своих южных соплеменников. В этом смысле только и можно понять выражение Русской Правды, где стоят рядом *русин* и *словенин*, то есть: южанин и северянин или киевлянин и новгородец. Возьмем «*Вопросы Кирика епископу Нифонту*» – новгородский памятник XII века. Там говорится, что болгарину, половчину и чудину перед крещением полагается 40 дней поста, а *словенину* – 8 дней. Тут новгородец сам называет себя словенином, а не русином. Это различие, повторяем, отразилось и в иноземных известиях. Константин Багрянородный именует Новгород *внешнюю Русью* (ηεξω Ρωσια). Арабские известия иногда называют его *Славия*. Южане разнились от северян не одним названием; они, по всей вероятности, отличались и наречием, и особенно произношением. Впрочем, какому именно племени принадлежали так называемые славянские имена порогов, славянам северным или еще более южным, чем Киевская Русь, решить пока не беремся⁶.

⁶ Вероятное решение этого частного вопроса предложено много ниже; после исследования о народности болгар я пришел к заключению, что славянские названия порогов принадлежат наречию славяно-болгарскому.

III. Личные имена. Известия арабов

Перед нами довольно длинный ряд русских личных имен, сохраненных договорами Олега и Игоря⁷. На эти имена в соединении с так называемыми русскими названиями порогов и вообще с первыми именами нашей истории норманнская система опирается, как на каменные столбы. Но они совсем не так прочны, как кажутся. Мы не будем разбирать каждое имя (норманисты только часть этих имен приводят в параллель со скандинавскими). Достаточно будет нескольких примеров, чтобы указать натяжки норманистов и их явное пристрастие в пользу скандинавов.

Возьмем имя *Карлы*. С первого взгляда оно может показаться немецким. Но напрасно вы думаете, что это имя исключительно принадлежало немцам; оно, без сомнения, употреблялось и у славян. Иначе откуда же наше *карло* с его уменьшительным *карлик*? Притом оно тут же встречается в другой форме *Кары*; следовательно, *л* есть не коренной звук, а вставной (известно, что это у нас одна из обычных вставочных букв: Скуратов – Скурлатов). Следовательно, корень здесь *кар*,

⁷ Выписываем эти имена буквально, то есть не изменяя и тех, которые стоят в родительном падеже мужского или женского рода. В договоре Олега: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидульфост, Стемид. В договоре Игоря: Ивор, Вуефаст, Святославль, Искусевы Ольги, Слуды, Улеб Володиславль, Каницар Передславин, Шихберн, Сфандр жены Улебле, Прастен, Турдуви, Либнар, Фастов, Грим, Сфирьков, Прастен, Акун, Кары Тудков, Каршев, Турдов, Егриевлисков, Войков Истр, Аминодов, Бернов, Явтяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол-Клеков, Стеггеттонов, Сфирка, Алвад Гудов, Фудри Туадов, Мутур Оутин, купец Адун, Адулб, Иггивад, Олеб Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турбид, Фурстен, Бруны, Роалд, Гунастр, Фрастен, Игельд, Турберн, Моны, Свен, Стир, Алдан, Тилена, Пубьинксарь, Вузлев, Синко Борич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.